

Не надо ждать Наполеона.

Статья А. Анциферова написана человеком, мыслящим оригинально и самостоятельно, что бывает не так уж часто, придумавшим определенную концепцию, в которой много верного, хотя много, как мне кажется, очень сомнительного. И если бы эта статья была издана четыре года назад, когда была написана, а еще лучше — лет 7-8 назад, когда автору, очевидно, стали приходить в голову изложенные в ней мысли, ее бы можно было приветствовать как новое слово в осмыслении нашей реальности. К сожалению, как это очень часто бывает, то, что было бы очень ново и оригинально лет семь назад, как-то незаметно стало общим местом. Сейчас такие совершенно верные мысли, как подготовленность нашей революции (или как там ее называть) 1989-1993 годов всем предшествующим развитием советского общества и его номенклатурной элиты, номенклатурно-элитарный характер самой этой революции и установленного ей режима, можно встретить как нечто самоочевидное и общеизвестное у представителей самых разных политических сил — от коммунистов до Гайдара. Утверждать это сейчас — ломиться в открытую дверь. Статья в значительной мере устарела — и в этом нет вины автора, хотя его в какой-то мере можно упрекнуть в том, что он этого не видит. Эти мысли сейчас надо уже не отстаивать, а разрабатывать. Нужны исследования мобильности нашей элиты, в том числе и межпоколенной, социального генезиса новой буржуазии, характера ее реальных взаимоотношений с бюрократией, реальных механизмов политической власти и т. д. Все это нужно не только для подтверждения ставших уже банальными положений о трансформации коммунистической номенклатуры в капиталистических собственников и для того, чтобы пойти дальше, поставить новые вопросы. И все это тоже уже делается, хотя усилия, которые тратятся у нас на серьезную эмпирическую работу, совершенно не сопоставимы с усилиями, которые идут на философско-публицистические построения.

Если с идеями автора о номенклатуре и ее роли я не только согласен, но, можно сказать, изначально согласен, то целый ряд других его положений представляются мне ошибочными. Мне кажется, автор слишком увлекся поверхностными аналогиями событий российской истории XX века и французской конца XVIII.

То, что любая революция проходит через какие-то общие этапы — очевидно. Любая революция подготавливается процессом накопления «революционного потенциала», раздражения и недовольства. Любая революция — быстрый и разрушительный «выход наружу» этого накопленного потенциала. И после любой революции естественным образом наступает период усталости, разочарования и ностальгии по дореволюционному прошлому.

Такой цикл мы действительно можем увидеть во всех революциях. И он дает основания для совершенно безошибочных предсказаний. Если вы видите революцию, вы можете спокойно предсказывать, что через какое-то время люди будут относиться к дореволюционным порядкам значительно лучше, чем в момент революции, и в той или иной степени ностальгировать по ним. Но такие предсказания, хотя и безошибочны, слишком общие. Это не предсказания конкретных форм и результатов революции. Попытки же более детально расписать ход одной революции на основании другой, искать аналоги тем или иным персонажам и событиям могут привести к самым ложным заключениям.

Первая французская революция, образы которой притягивают автора, — это, при всей своей масштабности и красочности, только одна из громадного числа разных революций,

и мне представляется, что использовать ее в качестве модели оснований не больше, чем для того, чтобы взять за модель, скажем, иранскую революцию или китайскую. Ведь даже в самой Франции, в которой воздействие образов первого революционного цикла было, естественно, грандиозно, тем не менее следующие циклы были очень не похожи на первый, (де Робеспьер и Наполеон во французских революциях 1848 и 1870 годов? Наполеон Третий, конечно, тоже Наполеон, но уж очень непохожий на первого. Отдаленные аналоги могут быть обнаружены, но слишком серьезное и «буквальное» к ним отношение могло бы вести к самым ложным предсказаниям, которые куда больше сбивают с толку, чем если бы никаких аналогий вообще не проводилось. Представим себе, что какой-то наблюдатель был бы настолько заморожен формами первого французского цикла, что стал бы в 1870 году утверждать, что скоро во Франции придет к власти военный диктатор, который объявит себя императором, будет воевать со всем светом, а затем вернется монархия. Тем более опасно пытаться искать прямые аналоги формам первого французского революционного цикла в революциях, происходящих в совершенно других странах.

Сравнивать французскую и русскую революции надо особенно «осторожно», ибо в нашей на целых 70 лет побеждает целостная квазирелигиозная идеология, что неизбежно придает всем этапам революции совершенно другую форму. Тоталитарная, основанная на догматической идеологии система имеет свою логику развития, совершенно не совпадающую с логикой революционного цикла, тем более с логикой одной из форм этого цикла — французской революции. В самом деле, кто такой Сталин? Чей он аналог? Робеспьера, как полагает автор? (Между прочим, Троцкий видел в сталинизме аналог термидора.) Но тогда чей аналог Ленин? Сталин — это далеко не только «якобинский» террор, это еще и человек, доведший до предела догматизацию марксистско-ленинской идеологии, и одновременно это человек, осуществивший возрождение многих элементов дореволюционной идеологии и социальной жизни, в его деятельности есть явный элемент скрытой реставрации, контрреволюции, это — новый царь. Петр или Иван Грозный. При желании вполне можно найти в нем и наполеоновские черты. Аналогия Сталина и Робеспьера представляется мне очень сомнительной и ничего не дающей для понимания и Робеспьера, и Сталина.

Также сомнительным кажется мне сопоставление термидора и нашего процесса 1989-1993 годов (или даже 1953-1993 годов). Было бы бессмысленно перечислять все различия этих процессов и событий — они слишком общеизвестны и слишком очевидны, в том числе и для автора. Но при таких различиях, резко превосходящих по «весу» немногие аналогии (в термидоре элита избавилась от террора, который косил и ее, и в 1953 году элита избавилась от террора; после термидора она стала усиленно воровать и обогащаться, и после-1991 года наступила оргия воровства), очень трудно делать предсказания и ожидать Наполеона.

Еще одним важным недостатком статьи мне кажется смешение анализа и оценки. Если термидор, как полагает автор, закономерный этап революционного цикла, а ельцинская «революция» и подготавливавший ее процесс — это термидор, то чего же его ругать? Почему надо выделять для порицания один этап цикла, а не цикл в целом? Россия действительно к концу XX века оказалась страной очень ослабленной. Но кто в этом виноват? Номенклатурщики-перерожденцы? Но их перерождение — закономерно, и его не было бы, если бы до их перерождения не было созидания их господства — при Ленине и Сталине. Тогда получается, что в теперешней слабости России виноваты не Хрущев — Брежнев — Горбачев — Ельцин, а еще более — Ленин и Сталин, «запустившие» цикл, закономерно приведший к номенклатурному перерождению ельцинской «революции». И «холодная война» была "проиграна не в результате термидорианского перерождения

номенклатуры, а изначально, она просто не могла не быть проиграна, как не могло не быть и термидорианского перерождения.

Но можно пойти дальше и задать вопрос: кто виноват в победе Ленина и затем Сталина? Ведь не так же просто они выскочили как черт из табакерки? Значит, наши поиски виновных должны идти в глубь истории — к Николаю Второму, а может быть, вообще к «ошибкам» Петра Первого? Но такие поиски дальних виновных не менее несправедливы, чем поиски ближних. Революция была подготовлена всей нашей историей, всей нашей культурой, и если надо кого-то ругать, то только нас самих, саму культуру, породившую опустошительный революционный цикл XX века. Но я не думаю, что такая ругань полезна. Мы — такие, какие есть, и для нас период становления нормального демократического общества (а в наше время демократическое — это нормальное) оказался крайне тяжелым, сопровождающимся упадком сил, как у отдельных индивидов крайне болезненным и опустошительным может быть период полового созревания. У одних народов этот период происходил раньше и менее болезненно, чем у нас, у других, как у тех же французов, раньше и в других формах, чем у нас, но не менее болезненно, а третьим, вполне возможно, еще предстоит пережить революционные «припадки». Мы тоже не совсем успокоились и не пришли окончательно к норме, но и не так уж далеки от нее, хотя и приходим к ней очень ослабленными бурными событиями прошлого.

Теперешняя слабость России, которая так болезненно воспринимается автором, — естественный итог нашего развития, результат в том числе и былого величия, которое не требовало чрезмерного напряжения сил. Во Франции при Наполеоне был пик французского могущества, как у нас был пик могущества при Сталине. Но такие «пики» не могут длиться бесконечно, после них неизбежно падение. И Франция сейчас далеко не держава, могущая диктовать свою волю миру, и уже никогда такой державой не будет. Не будем и мы. Но маленькая и скромная Франция нормально живет, избавившись от революционных циклов и невротических сожалений об утраченном величии. И мы избавимся и будем нормально жить. И тем скорее будем нормально жить, чем скорее избавимся.